

ДУШЕВНОЕ РАСПУТСТВО КАК ИТОГ ФИЛОСОФСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ЛИБЕРТИНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ш. ДЕ ЛАКЛО «ОПАСНЫЕ СВЯЗИ»)

В. В. Зиновьева

Московский государственный областной гуманитарный институт (г. Орехово-Зуево)

Поступила в редакцию 17 мая 2014 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию проявления философского и социального либертинажа во Франции. В первую очередь в статье представлены исторические сведения, освещается вопрос понимания свободомыслия в ту или иную эпоху. В практической части статьи автор обращается к произведению Ш. де Лакло «Опасные связи». В ходе его анализа выявляются отличительные черты романа либертинажа, все утверждения подкрепляются примерами из писем романа.

Ключевые слова: философский и социальный либертинаж, либертин, Лакло, «Опасные связи».

Abstract: the article contains a libertinage in France. Primarily, the historical information is presented. In the practical part the author refers to the novel "Dangerous Liaisons". The features of the libertinage novel are supported by examples of the novel.

Key words: philosophical and social libertinage, libertine, Laclos, «Dangerous Liaisons».

В последние годы в литературоведении заметно возрос интерес к такому аспекту социальной жизни XVII–XVIII веков, как либертинаж. В данной статье представлены результаты исследования возникновения, развития и понимания этого идейно-художественного течения во Франции. Изучение его основных характеристик проводится в нашем исследовании на базе романа Шодерло де Лакло «Опасные связи».

Прежде всего, обратимся к исторической стороне вопроса. Либертинаж как идейное течение зарождается во Франции в XVII веке, развивается в течение всего XVIII века и отличается требованием свободы по отношению к нравам и религии. Историки выделяют два типа либертинажа: философский и социальный. Первый нередко принимал формы пантеизма, деизма, атеизма и был характерен в первую очередь для XVII века. Второй сформировался уже в XVIII веке и вёл к отказу от традиционной морали и различных социальных условностей, что, в результате, породило устойчивую ассоциацию либертинажа с распутством и имморализмом.

Отметим, что передача французских понятий «libertinage» и «libertin» на ведущих европейских языках сопряжена с определёнными трудностями. Так, в немецком языке, как и в русском, преобладает значение «вольнодумец» – «Frei-denker», «Freigeist». В английском языке «либертен», скорее, «шутник» – «wit», «droll», что во французском языке соответствует понятиям «belesprit», «plaisantin». Лишь к концу XVIII века появляется термин «freethinker» – свободный философ.

Впервые слова с корнем «либерт» появляются задолго до века Просвещения. Если в простонародье термин уже на раннем этапе ассоциировался в основном с распутством и дебошем, то в прециозном языке, как свидетельствует книга богослова Доминика Буура, наравне со значением «безбожник, сознание которого развращено» [1, 389], слово могло иметь и положительный смысл. Либертином считался тот, кто «ненавидит любые ограничения, избегает привязанностей, живет «по моде», не забывая, тем не менее, правил приличия» [1, 389].

Считается, что то, что в XVII веке преподносилось под словом «либертинаж» – освобождение от догм, скептицизм как отрицание существующего порядка и традиционных ценностей – на самом деле способствовало зарождению рационализма как философского движения буржуазии. Более того, с точки зрения истории идей либертинаж (или, как тогда его чаще называли, либертинизм) стал фактором борьбы зарождающегося класса буржуазии с феодализмом.

Либертинами этой эпохи являются учёные, философы, писатели, как, например, П. Гассенди, Г. Нодэ, Сирано де Бержерак. В эпоху Фронды философским либертинажем заинтересовалась аристократия, которая трансформировала это понятие, и постепенно либертинаж становится своего рода светским эпикуреизмом, более типом поведения, чем собственно философией. Присущий течению философский скептицизм, переходящий в атеизм, дал начало ассоциативному ряду: либертен – философ – атеист.

Пьер Бейль был первым, кто развёл эти понятия. Объединив истории о самых скандальных представителях своего времени в «Исторический и крити-

ческий словарь» (1695–1697 гг.), он подчеркнул различия между безбожием и хвастовством пороками, то есть между либертинажем мысли и либертинажем нравов. Термин «либертинаж», постепенно потерявший значение религиозного осуждения, стал всё более применяться для характеристики светского поведения, которое, хоть и обладало определённой привлекательностью, всё же подлежало порицанию. Так и «Энциклопедия» даёт следующее определение: «Он (либертен) занимает срединное место между наслаждением и развратом» [2, 186].

Шодерло де Лакло посредством персонажей виконта де Вальмона и маркизы де Мертей создаёт портрет либертинов, в том смысле, в котором это понималось уже при Людовике XVI. Это имморалисты непринуждённых нравов, соблазняющие, а затем словкостью и до определённой поры без сожалений оставляющие свои жертвы. Героев романа на протяжении большей части повествования можно сравнить с «desroués», как сказали бы в то время. Иными словами, виконт и маркиза – это два лицемера: любезные, обладающие прекрасными манерами и речью, и самое главное, – их главным отличительным признаком является ложь. У них мало общего с петиметрами (от фр. «petit-maître», по значению близкого к слову «щеголь») эпохи Регентства, молодыми развратниками, переключающими внимание с одного объекта завоевания на другой, еще меньше с либертинами-философами, проповедующими безбожие и выдающими себя за сторонников эпикурейства. Сделав центральными фигурами «Опасных связей» двух имморалистов, Лакло продолжил традицию либертинажа нравов, представленную в литературе XVIII века Ричардсоном, Кребийоном-сыном и Дидро с его «Нескромными сокровищами».

Приступим к рассмотрению одной из отличительных черт романа либертинажа – специфической манеры описания любви. В подобном романе действие фокусируется не на развитии возвышенных чувств, а на сексуальности. Любовь в таком случае – мистификация, необходимая для удовлетворения желаний. Сообразно с этим, непостоянство в любви нормально, постоянство же воспринимается как нечто противостественное. Далее мы подробно проанализируем с этой точки зрения письмо, являющееся частью письма 141: «Все приедается, мой ангел, таков уж закон природы: не моя в том вина» [3, 268]. Автор этого письма (маркиза де Мертей) оправдывает непостоянство, основываясь на провозглашаемом с первого абзаца «законе Природы». Любовь – не более чем мимолётное удовольствие. Она не может более претендовать на вечность. Любовь-наслаждение заняла место любовного пыла. Обращение «Мой ангел» в начале и в конце письма придаёт ему напускную томную нежность и слащавость. Необходимо уточнить, что в XVIII веке подобное обращение использовалось только между любовниками, его целью было подержать деланно нежный и игривый тон. Несерьёз-

ность истории между Вальмоном и президентшей де Турвель, а также её завершенность призвано показать и слово «приключение» во втором абзаце.

Желая превосходства, либертины не ищут партнера, скорее, они нуждаются в жертвах для очередного развлечения. Они жаждут приключений, а не любви, так как последняя, в их сознании, – это нечто скрытое и бесчестное. Приключения готовятся со всей тщательностью, чтобы на пути к цели не позволить чувствам взять верх. Цель же может быть любой, лишь бы требовалось преодолеть препятствия. Именно по этой причине Вальмон придаёт особое значение соблазнению президентши де Турвель: «<...>доверю я величайший из задуманных мною замыслов <...> Вы знаете президентшу де Турвель – её набожность, любовь к супругу, строгие правила. Вот на кого я посягаю, вот достойный меня противник, вот цель, к которой я устремляюсь» [3,19].

Конец письма 141 – призыв взять «другого любовника» – превращает пережитую виконтом любовную историю в галантное, фривольное приключение, чистый либертинаж. «Поверь мне, возьми другого любовника, как я взял другую любовницу. Это хороший, даже превосходный совет» [3,268]. Эти фразы с оттенком повеления превращают любовь в детскую игру. «Amant» и «Maîtresse», написанные с заглавной буквы, ироничны: термины эти обозначают скорее театральные роли, нежели конкретных лиц. Любовь ограничивается сексуальными отношениями, лишёнными любых глубоких привязанностей.

Целью подобного письма, отличающегося крайними коварством и жестоким расчётом, является обезоружить адресата, морально раздавить его, поставив на одну доску с собой. Также, имея вид простого «примера», назначением которого является проиллюстрировать научную теорию, письмо представляет собой самый страшный из возможных упрёков для президентши де Турвель. Вальмон, становясь отправителем письма, объясняет своё непостоянство отсутствием добродетели у президентши: «Если, например, у меня было ровно столько любви, сколько у тебя добродетели <...>» [3,268]. Одновременно он освобождает себя и от чувства вины, взваливая его на получателя.

Вторым нанесённым президентше де Турвель ударом становится то, что Вальмон сообщает о существовании другой женщины: «с некоторых пор я тебе изменял <...> А теперь одна женщина, которую я безумно люблю, требует, чтобы я тобою пожертвовал» [3,268]. Отметим силу наречия «безумно» и подчеркнём глагол «пожертвовал», употреблённый в своём самом прямом смысле. Мы становимся свидетелями жертвоприношения, казни. Необходимо выделить и прилагательное «гибельных» во втором абзаце, несомненно, это наиболее подходящая гипербола, чтобы обозначить скуку [3,268]. Но в то же время это чёткий предвестник того злодея-

ния, которое маркиза де Мертей вознамерилась совершить посредством Вальмона. Пишущий как бы бросает на получателя тень своей жестокости, в чём и осмеливается его упрекнуть при помощи безжалостного оксюморона «твоя неумолимая нежность».

В данном письме любовный либертинаж является заложником времени: «Если, например, у меня было ровно столько любви, сколько у тебя добродетели <...> нечего удивляться, что первой пришел конец тогда же, когда и второй» [3, 268]. Временные отношения можно проследить очень чётко: «четыре гибельных месяца», «с некоторых пор», «а теперь». В ходе анализа письма с лексикологической стороны интерес представило и дважды употреблённое слово «aujourd'hui».

«Si donc je m'ennuie aujourd'hui d'une aventure qui m'a occupé entièrement<...>» / «И если мне наскучило приключение, полностью поглощавшее меня <...>» [3,268].

«Aujourd'hui, une femme que j'aime éperdument<...>» / «А теперь одна женщина, которую я безумно люблю<...>» [3,268].

В первом примере перевода на русский язык слово выпадает вовсе, а смысл передаётся прошедшим законченным временем. Во втором – «aujourd'hui» выступает в традиционном для него настоящем времени.

Это письмо по праву можно назвать переломным. Путь в «четыре гибельных месяца» заканчивается тем, что переводит действие в трагедию. Известно, что неизбежность гибели одного или нескольких героев является одной из основных черт трагедии. Маловероятно, что, согласившись отправить это письмо президентше де Турвель, Вальмон в полной мере оценил масштаб своей безжалостности. На самом деле, это письмо приоткрывает завесу над теми чувствами, которые маркиза де Мертей втайне испытывает к Вальмону. Письмо подобной жестокости может быть написано лишь безумно ревнующей женщиной. Оно в полной мере демонстрирует и то, что либертинаж – это не только сексуальная свобода, но и непростительность влюбленности. Сознательный отказ либертинов любить из-за страха потерять эмоциональную независимость мы можем очень чётко проследить на примере фразы виконта де Вальмона: «Я во что бы то ни стало должен обладать этой женщиной, чтобы не оказаться, в смешном положении влюблённого» [3,19]. Либертин не должен поддаваться чувствам. В противном случае он порабощён. Однако, стремясь любой ценой спасти виконта от «угрожающей [ему] опасности» [3,20], помочь сбросить цепи рабства, маркиза незамедлительно приближается к собственному краху.

Между тем в начале романа Лакло герои-вольнодумцы свободны от любых ограничений, социальных, моральных, религиозных. Своё определение либертина даёт госпожа де Воланж, предостерегая от виконта де Вальмона президентшу де Турвель: «Вы не знаете этого человека. Да и откуда может

быть у вас представление о душе распутника? <...> Он еще более фальшив и опасен, чем любезен и обаятелен, и никогда с самой своей юности он не сделал ни одного шага, не произнёс ни одного слова, не имея при этом какого-либо умысла, и никогда не было у него такого умысла, который не явился бы бесчестным или преступным. <...> Он умело рассчитывает, сколько гнусностей может позволить себе человек, не скомпрометировав себя, и, чтобы иметь возможность быть жестоким и злым, не подвергаясь при этом опасности, жертвами своими делает женщин. Я не намерена перечислять всех тех, кого он соблазнил, но скольких он погубил?» [3,26].

Любовь не есть ни цель, ни предмет тревог либертинов, а лишь тактика, один из способов соблазнения для более вероятной победы. Показателен пример маркизы де Мертей, претендующей на роль эксперта в области сердечных дел. С юности научившаяся «подчинять своей воле все разнообразные выражения своего лица» [3, 143], «выказывать себя женщиной чувствительной» [3, 146], «легко проливать слёзы» [3,60], маркиза пользуется проявлением своих чувств, чтобы загнать жертву в ловушку. Так, она пишет Вальмону: «Но тут, желая нанести решительный удар, я призвала на помощь слезы» [3,158].

Рассмотрим другой случай: когда маркиза скупается с Бельрошем, она решает «перегру[зить] его любовью и ласками» [3, 217], «проявить побольше чувств, чтобы легче было с ним справиться» [3, 217]. Проявления чувств, слёзы, становятся оружием либертинов, используемым для симуляции чувствительности и для влияния на жертву. Абсолютный холодный разум властвует у либертинов Лакло над отношениями. Они получают удовольствие не от физического наслаждения, которое для них есть лишь путь к достижению цели, но от наслаждения интеллектуального; возможность насаждать без ограничений свою волю – вот что является, в конечном счёте, целью всех действий Вальмона и Мертей.

Отметим, что если некоторые отрывки романа и стали причиной того, что роман стал считаться скандальным, однако Шодерло де Лакло – не маркиз де Сад, и никогда «Опасные связи» не были развратным романом. В произведении Лакло на первое место постоянно выходит не само деяние, а его описание и последствия. Когда Вальмон овладевает Сесиль и рассказывает об этом как маркизе, так и читателю, он не утопает в распутных деталях и лексике, им присущей. Он многозначительно мечтает, что сочинит «катехизис распутства для своей ученицы» [3, 211], но читателю никогда не суждено будет пролистать это сочинение. О сценах, которые могли бы быть описаны с гораздо большим сладострастием (изнасилование Сесиль, овладение президентшей, составление любовного письма президентше на «женщине-пюпитре», вечера в «маленьком домике» маркизы де Мертей, хитроумная уловка, чтобы заполучить со-

держимое карманов президентши, половое воспитание маркизы де Мертей), чаще всего рассказывается при помощи намёков, литот, эвфемизмов. А присутствие игривых каламбуров («лес графа де Б.», например, в конце 59 и 63 писем, с. 100 и 107) и непристойностей, скрытых за учтивостью разговора, является лексической особенностью, оживляющей переписку развратников. Чаще всего эта лексика двусмысленна, что подтверждает стилистическое мастерство либертинов и их умение манипулировать людьми.

Просвещение наложило свой отпечаток на мироощущение, знаменовало собой переход к новому типу культуры, заметными признаками которой стали рационализм, индивидуализм и прагматизм. Источник света (во фр. языке слово «просвещение» звучит как свет – *lumière*) новая культура видит в разуме, а не в вере. В процессе соблазнения использовались достижения научного прогресса, всесторонние знания о человеке, а соблазнитель-либертин положит всю свою жизнь на то же самое, что и материалист; первый, равно как и второй, то и дело восстаёт, бросает вызов, отрицает авторитеты.

В заключение отметим, что интеллектуальное и философское освобождение (от фр. *libération*) на протяжении всей эпохи Просвещения привело к появлению огромного пласта литературы, носящей различные характеристики: от непристойной и заурманивающей сознание до порнографической и развращающей. Распространение её было и открытым, и тайным. Основным жанром либертинажа был роман (на втором месте были политические памфлеты). Самая модная форма романа XVIII века, эпистолярная, позволяла увеличить количество точек зрения, показать механизм стратегии соблазнителя и её последствия для жертвы. Текст романа в письмах был предельно близок к читателю, максимально доступен, что способствовало завоеванию доверия и симпатии. Предпринятый нами анализ писем романа позволяет сделать вывод, что в «Опасных связях» либертинаж является более интеллектуальным, чем чувственным. Интересно, что сам термин появляется в романе лишь однажды (в проанализированном нами письме 141) из-под пера маркизы де Мертей, в выражении «*libertinaged'esprit*» – «душевное распутство», а на протяжении всего романа нет ни слова раскаяния в либертинаже.

В процессе работы над данной статьёй не осталось сомнений в том, что Шодерло де Лакло унаследовал от XVIII века не только богатую традицию эпистолярного романа, но и традицию либертинажа. Многие специали-

сты по XVIII веку (М. Делон, Ж. Вьер, Ж. Голдзинк) подчёркивают связь между Лакло и «кребийонажем» (от фамилии французского писателя Кребийона). Автору «Опасных связей» удалось вслед за Кребийоном обозначить существование такого клише XVIII века как «разум и сердце». Стремление сохранить главенство разума и независимость воли, ведущее к необходимости отбросить все сердечные привязанности, породило всеохватывающую игру, насколько светскую, настолько безбожную и аморальную. Быть Вальмоном значило быть Героем, одновременно внушающим опасение и восхищение, быть тем, кого чествовали и кому вместе с тем завидовали. Из всего вышесказанного следует, что либертин в романе Лакло – это тот, кто отстаивает свободу мысли, независимость суждения, не терпит принуждения, ни от кого не зависит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bouhours D. Remarques nouvelles sur la langue française / D. Bouhours. – Paris, 1675. URL: <http://books.google.com/books/> (дата обращения: 17.03.2014)
2. Felici F. B. Encyclopédie ou Dictionnaire universel raisonné des connaissances humaines. – Paris, 1773. Т. XXVI. – Режим доступа: <http://books.google.com/books/> (дата обращения: 17.03.2014)
3. Лакло Ш. Опасные связи / пер. с фр. Н.Я. Рыковой. – М., Л.: Наука, 1965. – 356 с.
4. Дмитриева Е. Re-volutio чувства и чувственности (о некоторых особенностях французского либертинажа XVIII века) / Е. Дмитриева. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3707/> (дата обращения: 17.03.2014)
5. Bernier M.-A. Libertinage et figures du savoir / M.-A. Bernier. – Canada: Les presses de l'université Laval, 2001. – 273p.
6. Cazenobe C. Le système du libertinage de Crébillon à Laclous / C. Cazenobe. – Oxford, 1991. – 461p.
7. Dard E. Le général Choderlos de Laclous auteur des Liaisons dangereuses / E. Dard. – Paris: Perrin, 1936. – 516 p.
8. Delon M. Le Savoir-vivre libertin / M. Delon. – Paris: Hachette Littératures, 2000. – 347p.
9. Didier B. Le roman français au XVIII siècle. – Paris: Ellipses, 1998. – 128 p.
10. Holzle D. Le roman libertin au XVIII siècle. Une esthétique de la séduction / D. Holzle. – Oxford, 2012. – 285 p.
11. Laclous Ch. Les Liaisons Dangereuses / Ch. Laclous. – Paris: Gallimard, 1979. – 1715 p.
12. Omacini L. Le roman épistolaire français au tournant des Lumières / L. Omacini. – Paris: Honoré Champion, 2003. – 285p.
13. Versini L. Laclous et la tradition. Essai sur les sources et la technique des «Liaisons dangereuses» / L. Versini. – Paris: C. Klincksieck, 1968. – 796 p.

Московский государственный областной гуманитарный институт (г. Орехово-Зуево)

Зиновьева В. В., аспирант

E-mail: v.erdj@gumlitsei.ru

Moscow State Regional Institute of Humanities (Orekhovo-Zuevo)

Zinovyeva V. V., Post-graduate Student

E-mail: verdj@gumlitsei.ru